

Paul M. Livingston, *The Politics of Logic: Badiou, Wittgenstein, and the Consequences of Formalism*

New York: Routledge, 2012, 394 pp., ISBN 9780415891912
Routledge Studies in Contemporary Philosophy (Book 27)

Антон Сюткин

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Пол Ливингстон и парадоксальное основание политической критики

Пол Ливингстон — философ, получивший образование в аналитической традиции. Его ранние книги были посвящены каноническим для этой традиции темам: Витгенштейну, философии языка и проблеме сознания (Livingston 2004; Livingston 2008). Однако в книге «Политика логики: Бадью, Витгенштейн и следствия формализма» Ливингстон делает решительный шаг на новые для себя территории. Ключевыми авторами в этой работе для него становятся не только Карнап, Айер и Витгенштейн, но также Делёз, Деррида, Агамбен и Бадью. В последнее десятилетие многие французские авторы (прежде всего здесь следует отметить Квентина Мейясу и Тристана Гарсиа) совершали попытки разрушения «железного занавеса» между аналитической и континентальной традицией, но делали они это, находясь на континентальной стороне от «занавеса». Ливингстон в «Политике логики» совершает похожее действие, но уже со стороны аналитической традиции, и уже поэтому его работа является примечательной и заслуживающей внимания. Но важнее всего то, что за обращением Ливингстона к кругу континентальных авторов стоит не интеллектуальное любопытство, а поиск подхода к новой для аналитической теории теме — теме политических последствий формальных и логических построений. Можно сказать, что Ливингстон занимает в этой книге «параллаксную» позицию между континентальной и аналитической традициями мысли, между политикой и логикой. Континентальная традиция помогает ему обнаружить политическое значение логических аргументов аналитической философии, а аналитическая традиция, в свою очередь, проливает свет на

формальные структуры политических тезисов континентальной философии.

Исходный пункт рассуждений Ливингстона достаточно прост: политика представляет собой форму организации отношений между социальным целым и его частями. Отсюда следует, что любое представление о целом и части или о едином и многом обладает внутренним политическим значением, поскольку предполагает ту или иную форму организации отношений между ними. Вся западная философия на протяжении своей истории от Парменида до наших дней, отвечая на вопрос об отношении между единым и многим, в явном или скрытом виде была не чем иным, как «политикой логики». Ливингстон выделяет в этой продолжительной истории поворотный момент, своеобразную «коперниканскую революцию», после которой мыслить политику как прежде становится невозможным. Таким моментом для Ливингстона является создание Георгом Кантором теории множеств и ее дальнейшее развитие Расселом и Гёделем. Главный вопрос, который ставит перед собой Ливингстон в этой книге, следует сформулировать так: какие политические следствия можно извлечь из коперниканской революции Кантора?

Революция Кантора и его теории множеств заключаются в демонстрации логической невозможности непротиворечивого целого, которое без остатка охватывало бы все свои части. Такое целое всегда будет меньше совокупности своих подмножеств, поэтому в нем будет сохраняться не учитываемый и не управляемый им остаток. Рассел позднее показал, что множество всех подмножеств неизбежно оказывается собственным подмножеством, что приводит к парадоксу и логическому противоречию: целое не может быть своей же частью. Наконец, Гёдель делает на этом основании вывод, что либо целое является противоречивым и парадоксальным, либо оно является последовательным, но при этом неполным и незавершенным, то есть в конечном счете не подлинно целым. Таким образом, он предлагает альтернативу между полнотой и противоречивостью, с одной стороны, и непротиворечивостью и неполнотой, с другой стороны, исключая третью возможность — существование непротиворечивого целого.

Вооружившись канторовской теорией множеств, Ливингстон создает свою классификацию основных направлений в современной философии, которые вслед за Бадью (Badiou 1998) он называет «ориентациями». Прежде всего, Ливингстон разделяет до-канторовские (или «суверенные») и после-канторовские ориентации. К до-канторовским ориентациям он относит те, что, вопреки открытию теории множеств, настаивают на существовании непротиворечивого целого. Для обозначения первой до-канторовской ориентации он использует хайдеггеровский термин «онто-теология». Представители онто-теологической ориентации в философии считают, что

целостность и непротиворечивость мира гарантированы сверхъестественным существом (Богом или его субститутотом), находящимся за пределами этого мира и недоступным конечному человеческому познанию. Поэтому Ливингстон также называет эту ориентацию «трансцендентной». Ключевым свойством этой ориентации является, с его точки зрения, внеположность принципа организации по отношению к языку или формальной системе, структуру которых он задает. Иными словами, этот принцип организации является мистическим, внеязыковым.

В этом состоит отличие онто-теологии от другой до-канторовской ориентации — критериологии. Целостность и непротиворечивость мира в рамках критериологии задается правилами языка (или другой формальной системы), которые устанавливаются теоретиком, занимающим внешнюю по отношению к миру позицию. Наличие таких правил дает теоретику критерий, позволяющий отделять истинные высказывания от ложных, однако истинность самих этих правил может быть гарантирована только другими вышестоящими правилами. Таким образом, представитель критериологической ориентации в философии встает перед опасностью бесконечной регрессии в попытке обретения последнего подлинного критерия. Если к представителям онто-теологической ориентации, следуя за Хайдеггером, Ливингстон причисляет всю метафизическую традицию (отдельно упоминая Аристотеля и Фому Аквинского), то при обсуждении критериологической ориентации он в первую очередь ссылается на верификационизм Айера и Карнапа. Поэтому, с точки зрения Ливингстона, и теология, и позитивизм, несмотря на все различия между ними, одинаково не выдерживают коперниканской революции Кантора: в отсутствие непротиворечивого целого ни Богу, ни метаязыку не остается места.

Переходя к после-канторовским ориентациям, Ливингстон не может обойти вниманием философский проект Бадью, открыто отождествляющий онтологию с математической теорией множеств. Ливингстон называет этот проект «родовой» ориентацией, поскольку именно тема родового множества является для него ключевой, по крайней мере, начиная с «Бытия и события» (Badiou 2007). Бадью делает аксиомой своей онтологии тезис о несуществовании целого, отвергая одновременно Бога онто-теологии и формальные правила критериологии. Тем не менее несуществование целого не превращает философию Бадью в нигилистическую: математический формализм позволяет ему не только разоблачить любые метаязыковые претензии на непротиворечивую целостность, но и выявить родовое множество, неразличимое внутри (мета-)языка. Благодаря этому становится возможным родовое расширение ситуации, которое в бесконечном пределе приводит ситуацию к ее истине. Бадью, таким образом, одновременно утверждает несуществование целого

и существование истины (про нее можно сказать, что она последовательна и непротиворечива). Тем самым, согласно Ливингстону, он выбирает только одну из альтернатив, предлагаемых Гёделем.

Родовая ориентация не является единственной после-канторовской философской стратегией. Во второй половине XX века целый ряд авторов, принадлежавших к аналитической и континентальной традициям, сделали выбор в пользу другой гёделевской альтернативы — противоречивого целого. Ливингстон называет эту альтернативу парадоксально-критической ориентацией. Выстраивая ее генеалогию, он показывает, как континентальный структурализм и аналитическая философия начинают с представления о языке как целостной и непротиворечивой знаковой системе, но приходят в итоге к признанию его парадоксальной и рефлексивной природы. К свидетельствам такого перехода относятся рассуждения Делёза о первичности нонсенса (Делёз 1998), внимание Деррида к проблеме неразрешимости (Деррида 2000) и поздние тексты Витгенштейна, посвященные языку как форме жизни (Витгенштейн 1991). Все эти совершенно непохожие друг на друга философские проекты объединяет понимание структурной роли парадокса, становящееся критическим оружием против любых идеологических попыток представить язык в качестве гармонического единства.

В заключение Ливингстон указывает на политические теории, стоящие за различными философскими «политиками логики». Прежде всего, он отмечает слабость коммунистической гипотезы Бадью (Badiou 2015), которую он связывает с родовой ориентацией его мысли. Если истина в родовой ориентации отделяется от противоречивого целого, то коммунистическая гипотеза не имеет прямого отношения к политической экономии, что делает ее непригодной для критики позднего капитализма. Говоря о политической теории парадоксально-критической ориентации, Ливингстон ссылается на радикальную демократию Лаклау и Муфф (Laclau, Mouffe 2001) и анархистскую этику Кричли (Critchley 2007). Однако, по его мнению, эти теории имеют свои недостатки: Лаклау и Муфф смешивают трансцендентальное противоречие, лежащее в основании социального порядка, с эмпирическими противоречиями между различными социальными группами, а Кричли рассматривает анархистскую этику как трансцендентную этику в духе Левинаса, в то время как требование признания Другого должно действовать внутри, а не вне социального целого. Тем не менее именно эти теории могут служить основанием для будущего переосмысления политической экономии в рамках парадоксально-критической ориентации.

Итогом книги Ливингстона можно считать саму постановку задачи обновления политической критики в ситуации позднего капитализма. Однако способ постановки этой задачи нельзя признать полностью удовлетворительным. Применяя гёделевскую альтернативу

к политике, Ливингстон настаивает на несовместимости коммунистической гипотезы и критической теории. В этой перспективе можно иметь дело либо с утопическими истинами, лишенными исторического воплощения, либо с критикой позднего капитализма, не имеющей утопического горизонта. И в том и в другом случае существующему политическому статус-кво ничего не угрожает. Речь, скорее, должна идти о том, как совместить истину и парадокс, коммунистическую гипотезу и критику капитализма (в конечном счете родовую и парадоксально-критическую ориентации мысли) так, чтобы это не было возвращением к до-канторовскому идеологическому представлению о непротиворечивом целом. Но это потребует следующего шага: перехода от рассмотрения «политического измерения» различных формально-логических систем к их диалектическому преобразованию.

Библиография

- Витгенштейн, Людвиг (1991). «О достоверности». *Вопросы философии* 2: 67–120.
- Делёз, Жиль (1998). *Логика смысла*. М.: Раритет.
- Деррида, Жак (2000). *Грамматология*. М.: Ad Marginem.
- Badiou, Alain (1998). *Briefings on Existence*. Albany, NY: SUNY Press.
- Badiou, Alain (2007). *Being and Event*. Trans. Oliver Feltham. London: Continuum.
- Badiou, Alain (2015). *The Communist Hypothesis*. London: Verso.
- Critchley, Simon (2007). *Infinitely Demanding: Ethics of Commitment, Politics of Resistance*. London: Verso.
- Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Livingston, Paul M. (2004). *Philosophical History and the Problem of Consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Livingston, Paul M. (2008). *Philosophy and Vision of Language*. New York: Routledge.